

Вырезка из газеты
СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

от 10 авг. 1940 г. газета № 45.

Москва

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

ГАСТРОЛЬНЫЕ СПЕКТАКЛИ В МОСКВЕ

Ленинградскому театру музыкальной комедии исполняется десять лет. Он только на пять лет моложе Московского театра оперетты. Но у московской сильная труппа, в состав которой входят ряд крупнейших мастеров опереточного искусства, а в Ленинградской музыкомедии работает преимущественно молодежь — питомцы Ленинградской консерватории — и всего лишь три-четыре артиста со солидным опереточным багажом.

У Ленинградского театра музыкальной комедии больше творческие амбиции и требования к своему искусству. Он пересматривает границы опереточного жанра. Он ищет. Он обьяны беспощадную войну штампам и рутине...

Воробей о «сохмачестве». Фортелями и дурными традициями. Ленинградский театр музыкомедии пока что не имеет еще достаточных сил для того, чтобы полностью осуществлять свои замыслы на практике. Его актерам раньше всего похвально мастерства, которое у них, за немногими исключениями (Янет, Герман, Колесников, Радославский), находится на студийном уровне, а иногда опускается даже до драмкружковских масштабов, например — копирования Артамоновым Олужаса Гречиха во «Валерии любви». Кроме того, старые актерские привычки и привычки, противодействующие реформе. Вот, например, Герман, остро, даже чуть-чуть академично, играющий князя Леопольда («Сильва»), в роли Панаганье («Дорогая Фавара»), в целом слишком вяло живо, вдруг хватается за отары, мимически приемки и начинают беспрестанно повторять через каждые три-четыре фразы «что она со мной делает».

Теперьшнее состояние Ленинградского музыкального комедии напоминает нам положение актера, попавшего в незнакомый театр. С него сняли привычные подтеки. Он разоружен, лишен привычек, слегка растерян. Из-под ног ушла почва. Истощены новые чувства и впечатления. Новые игры, новые приемы. Но ему не так плохо. Это не так плохо.

Посмотрите в репертуаре Ленинградского музыкального комедии Кальмата и Лелера

определяется оплодье на классовых соображениях.

На «Сильву» в свое время было много нареканий. Этим и метким. Им неизменно сопутствовал успех у зрителя, который слишком хорошо знал «Сильву» и ее героев, превращенных старинными опереточными либретто в стандартных пошляков и аубокалов.

Вполне понятно стремление молодого театра заново постигнуть «Сильву», ослы и обаяние которой не в хлячем рефроне «ты на меня не сердись»! Ну, сухая конфетка, а раньше всего в превосходной музыке Кальмата. Театр вернул «Сильву» к первоисточнику, освободив либретто (отличный перевод Михайлова и Толмачева) от множества отсылок и режиссерских вольностей, до неузнаваемости искажавших за 26 лет текст оперетты.

«Сильва» является наиболее характерным, показательным спектаклем Ленинградского музыкомедии. В нем сосредоточены все особенности, достоинства и недо-

Ленинградский театр музыкальной комедии. Сильва — замуженная артистка республики Л. А. Кондратюкова

статки этого театра. В «Сильве» чревы. зано ясно ощущаются отлив, метод, жур, манера театра, линия его художественного руководства (А. В. Вилнер).

На чашку весов, определяющих успех опереточной драмы, играющей Сильву, принято было вместе с талантами хлясть меха, бриллианты, брассельские кружева, страусовые перья и неолаченные счета от модных портных и модисток. Времена эти прошли. Колесников, ленинградская кинолентильница роли Сильвы, в этом смысле «бесоружна». Во меньше всего интересуется гардероб Сильвы, Колесникова — закрепляла и обаятельная Сильва, в которой атмосфера варьете не убилась левушка с Кольею бжота. Это не та равняная, вульгарная, разухабистая Сильва, которую мы привыкли видеть на опереточной сцене. Ее радости и печали искренни и эмоциональны. Сильва не «случай» в творческой биографии Колесниковой. Она хорошо играет и Юстину Фавар в оперетте Оффенбаха. В этой трудной роли артистка в совершенстве овладела методами трансформации, меняя по ходу спектакля несколько раз свое обличье. Однако наиболее впечатлительным достижением в этой работе Колесниковой является исполнение песенки престарелой тетки. Это до-настоящему хорошо.

Трактовка Колесниковой роли Сильвы дает тон всему спектаклю Ленинградского музыкомедии, спектаклю приятному, молодому, культурному, но вызывающему споры...

В антракте, после второго действия «Сильвы», мы долго разговаривали с одним из крупнейших мастеров опереточного театра. В заключение «дискуссионный» артист решительно опросил меня: «А много ли вы сегодня ознакомились? Я ознакомились, что — нет. — Вот видите, — торжествующе заявил он и о ядом победителям кочевь моране одной из аллеи ЦДКА.

Уже являлся домой, а долго думал, а ведь чем, собственно говоря, я обязан был ознакомились. Разобраться. Над чудесом Вогги — покаял. Над князем Леопольдом — этим машинным жербоком, индейским петухом, выкрикивающим заученные слова о тосте, оме, чистоте правды и родовых традициях и готовым вытолкнуть ее первой острой любовью, — извольте. Над трагедией Сильвы? Вспомните. Никто же не смеет над Периколом, разлученной о Пьянкой.

Восхитесь моря поощрять в конце концов лютую ребром — обаяв их опереточный

комик ходить по сцене колесом, простах — изображать человека, проглотившего список, а героиня — быть смертельно шикарной и поносить платье с разрезом даже в тех случаях, когда о парне Елене в спектаклях не говорится ни звука.

Только ли типичны средствами обеспечения всея на опереточной сцене? Полагаю, что нет. Целый ряд замечательных, простых и искренних актерских исполнений в опереточном театре убеждает нас в этом.

«Беслая ядова» впервые появилась в России, как известно, в Петербурге. Ее сыграл Вилеский, а играли Шувалов, Ванич, Кашекокий и др. Вслед за тем по всей России со скритом и без оного заезжали до пятого ряда партера включительно иллюминационные качели, прославляющие имя Лелера, ли сном, ли духом не повинного в сочинении этой музыки, принадлежащей, как известно, композитору Голлендеру и вставленной в оперетту все тем же Вилеским, наиболее характерным представителем самой угодливой эпохи оперетты в России. Для Вилеского каждая оперетта была по сути дела только поводом для трюков и сусальных апрофов, характер которых легко понять по следующим строчкам из афин того времени: «во втором акте святилище бжоты и жывые бараны». Ленинградскому театру музыкальной комедии, возобновившему лелеровскую оперетту, смело можно было бы обойтись без отрядного номера, именуемого песенкой о качелях.

Особенно хочется поговорить об артисте Королькевиче, которого мы видели в ролях Лилыча и Котинька. Он уже не в первый раз выступает в Москве. В том же ЦДКА, в Евстралдом театре, Королькевич участвовал в спектаклях олоаковой оперетты. Тогда же на страницах «Советского искусства» отмечалось беспорочное дарование молодого артиста. Сейчас Королькевич играет более уверенно, четко, вдумчиво. Его Лилыч («Валтинья любовь») — это не просто комик, который сегодня говорит слова Лилыча, а вавтра, переживая парочку, будет точно так же говорить слова Вогги. Нет, это образ, это фигура, это энтузиаст Лилыч, темного рассейный, парикмахер-изобретатель, неудачник и дутанки. А как замечательно исполнил Королькевич в той же «Валтинья любовь» песенку о веселом гелере! Не у Королькевича есть один недостаток — у него ютик и в особенности рука, ютик рук, жмут какой-то самостоятельной, заводной, раздражающей

жизнью. Артист все время как бы говорит — смотрите, какие у меня гибкие руки и ютик; я могу конкипуировать о человеке-дугишкой на пира. Зачем же в оперетте, где есть слово, уделить столь пристальное внимание, потом. Тем более, что Королькевич может быть сдержанным, не переигрывать, сохранять чувство меры, в чем мы убедились, посмотрев его Котиньку в «Жистине Фавар».

Истинным бедствием для Ленинградского музыкомедии являются замедленные темпы. Послушайте, как поет Далило сию выхлную арию. Тлутче до дури. И так, и сожальным, не в одной только «Беселой ядове». Все дирижеры (Яковсон, Фурман, Корбишай) и режиссеры (Вилер, Янет, Васильев, Полячек) этого театра, точно сотворившись, трепаш по части темпов, тем самым лишая оперетту ее важнейших жанровых пренеков — бласка, веселости, ести хляте, шика.

Замечательную работу художника в оперетте показал Акимов, оформивший «Жистину Фавар». Кости, как странно, в одном и том же театре, которому нельзя отказывать в величии художественного вкуса, рядом с декорациями Акимова видеть «ватные» холщовые в спектакле «Сильва».

А. Р. Кутель, посмотрев в 1908 г. «Беселую ядову» в Берлине, писал: «У нас оперетта решалась, развесилась с комедией. Водворился какой-то грубый, топорный шлобол постановок. Артисты в значительном большинстве обнаруживают превращение к «прозе», певцы редко думают о дириж. Господь бог не обаял русских актеров талантами, но надо поскорее ааключить мир о культуру, а не находить о нем «в контрах». Из оперетты уходили, словно солтатку покупал в трактире средный руки: не то кочка, не то отрыжка и во всяком случае тажальны акуво руу».

Постановки Ленинградского музыкального комедии свежи, молоды и культурны. Здесь уважают «прозу» и думают о личности. Здесь а некоторых «контрах» окултурной разва только один Михайлов, на редкость омыдольно и бавкушо изображающий Эдвина в «Сильве». Но театр нехватывает зрелого актерского мастерства и вокальных исполнителейских сил для того, чтобы поднять на должную высоту уровень спектаклей. Труппа Ленинградского музыкального комедии нуждается в серьезных пополнениях. Надо думать, что после московских гастроль театр не замедлит их сделать.

ВИКТОР ЭРМАНС